

СВИДАНИЕ С РОДИНОЙ

Сейчас в Москве находится один из крупных современных музыкантов Игорь Борисович Маркевич. Он родился в 1912 году в Киеве и спустя год вместе с семьей выехал за границу. В 14 лет опубликовал в Париже первые свои сочинения, затем познакомился с Дягилевым, для которого написал балет, принесший И. Маркевичу известность в музыкальном мире. В 19 лет Маркевич начал дирижировать. Он является также автором нескольких книг.

Игорь Маркевич дал интервью корреспонденту «Литературной газеты» Н. Мару.

— Как я счастлив снова приехать в эту цивилизованную страну, где поэты и музыканты пользуются таким успехом и популярностью, которые в других странах обычно имеют боксеры, — сказал в начале беседы Игорь Маркевич.

Надежда приехать на родину появилась у меня в 19 лет, когда Сергей Эйзенштейн, прибывший в Париж, предложил мне вернуться с ним для совместной работы. В это время нам на Западе Советская Россия казалась чем-то таким далеким, можно сказать, иным миром, что моя мать умоляла меня не оставлять ее... После этого я часто мечтал приехать сюда и пробовал осуществить свою мечту, но всегда была какая-нибудь война — «холодная» или «горячая». Удалось мне приехать в СССР только в 1960 году.

Этим я обязан М. Ростроповичу, с которым познакомился в Австралии, где мы вместе выступали. Мы сразу же подружились, и он все устроил, позвонив по телефону из Сиднея в Москву. Я не забуду свое волнение и слезы счастья, когда Ростропович сообщил мне о том, что я приглашен на гастроли в СССР.

С тех пор каждый раз, собираясь в Советский Союз, я приглашал с собой друзей, видных журналистов, издателей и, конечно, жену и мать, которая не была на родине 47 лет; дважды приезжали сюда мои две дочери. Как все нам было интересно! И не похоже на то, что мы ожидали! Какая разница между западной пропагандой и советской действительностью! Я помню, что по возвращении наши рассказы кое у кого вызвали странную реакцию. Однажды на улице одного из городов Швейцарии моя дочь рассказывала знакомой даме о московском парикмахерской. Дама прервала ее, сказав: «Как! В Москве есть парикмахеры?» — «Конечно, баронесса, — заметила спутница этой дамы, — нужен же один, хотя бы для пропаганды!». И такое мы слышали часто: «Оркестры были замечательные?» — «Для пропаганды!» — «Кушают хорошо?» — «Пропаганда!» — «Тепло топят зимой?» — «Опять же пропаганда!»

Должен сознаться, что если на Западе складывается неверное представление о Советской Рос-

сии, то порой вы в этом и сами виноваты. Я часто замечал, что советские люди на Западе слишком скромно говорят о том, что сделано в вашей стране. Во времена еще Петра I появился предразсудок, от которого кое-кто не избавился: все заграничное лучше. Это неверно, у вас есть много хорошего, чему постепенно будут подражать другие. А если подражать тому, что делают на Западе, то надо быть очень осторожным. Возьмем простой пример: Нью-Йорк ночью — волшебный город, в котором конкуренция породила поразительную световую рекламу. Но для Ленинграда это было бы губительно. Представьте себе дворцы на набережной Невы, начиная с Эрмитажа, на которых вспыхивают и гаснут рекламы: «Хочешь счастья — катайся на «Победе»; на другой — мужчина, выпускающий изо рта настоящий дым, советует: «Курите «Дукат»; на третьей вы читаете: «Столичная водка — ключ любви»... Чудесный город уподобился бы тогда пожилой даме, пораженной тиком.

Могу засвидетельствовать, что человек на Западе, слушая весь день радио, глядя в телевизор, читая рекламы, которые ему настойчиво объясняют, что он должен покупать, в такой степени становится потребителем, что вскоре будет способен пользоваться свободой не больше знаменитой собаки Павлова.

Проницательные люди на Западе очень обеспокоены тем, что свобода, о которой так много говорят, становится там все более и более абстрактной, и возможность ею пользоваться уменьшается. Многие из них все чаще задаются вопросом: «Не здесь ли у вас, т. е. в Советском Союзе, существует больше свободы в широком смысле этого слова?» В вашей стране, несомненно, созданы широкие возможности для развития человеческой личности. Нас всех в особенности поразило, как поставлено в Советском Союзе воспитание детей. Я должен откровенно сказать, что мои дочери, которые много путешествовали и много видели интересного, часто здесь чувствовали себя отсталыми. Они не раз посещали Дворец пионеров, и их поразила инициатива и разносторонность интересов сверстников.

Это также происходит от того, что жизнь здесь спокойна. Не улыбайтесь, может, она вам кажется бурной, но у нас суматошный «темп» жизни с ее постоянной погоней за деньгами и конкуренцией гораздо быстрее. Мы страдаем от такой напряженности; можно сказать, что большинство у нас поражено нервными заболеваниями. Даже в такой мирной и уютной стране, как Швейцария, возникают подобные проблемы: например, чтобы больше зарабатывать, сдельные рабочие принимают возбуждающие средства, а потом, для сна, — успокаивающие. Естественно, что через несколько лет это разруша-

ет их здоровье. А здесь, у вас, работаете спокойно, больше времени остается для отдыха и развлечений. Но я заметил, что у вас еще встречаются и такие люди, которые, так сказать, работают слишком «спокойно». Я бы в шутку заметил, что они очень уж широко пользуются существующей у вас свободой.

Коснемся проблемы конкуренции. Она, я думаю, часто портит отношения и между артистами на Западе. Случалось, что мне говорили: «Вы, к сожалению, имели слишком большой успех в нашем городе и больше сюда не вернетесь». Это значило, что какой-нибудь тамошний дирижер предпочитал держать меня на расстоянии. А мои советские коллеги уже во время первой встречи просили меня приезжать чаще и даже преподавать. Первый советский артист, который со мной играл на фестивале в Страсбурге, был Гилельс. Когда после этого я с восторгом говорил ему о его игре, он ответил: «Вы должны послушать Рихтера — его я считаю лучшим». Должен сознаться, что такая прекрасная скромность у нас становится очень редкой.

Хотелось бы также коснуться и вопросов, связанных с ликвидацией последствий культа личности Сталина в вашей стране. Бывая в буржуазных странах, советские люди охотно отвечают на вопросы, связанные с культом личности. И все же я полагаю, что в любом случае надо, чтобы никогда не забывалась четверть века, в течение которой советский народ сделал такой огромный шаг вперед, какой никогда не делала никакая-либо иная страна.

...В Москве Маркевич ведет семинар дирижеров. Что это за семинар?

Игорь Борисович расшифровывает свой замысел: дирижерское искусство имеет большую историю, накоплен огромный, нуждающийся в исследовании творческий материал. Современное искусство предъявляет дирижеру требования, о которых Тосканини не мог даже и думать. К тому же теперь существуют особые условия дирижирования для грамзаписи, во время телепередач.

— В Московской консерватории созданы чудесные условия для работы нашего семинара. Никогда прежде я не встречал таких возможностей для подготовки молодых дирижеров.

О многом говорил Маркевич — о нынешних своих студентах, о «Реквиеме» Кабалевского, созданном в содружестве с поэтом Р. Рождественским, о партизанской войне в Италии, в которой он участвовал и о которой написал книгу, о предстоящем приезде в Москву жены...

— Она привезет сюда картины моего деда Ивана Павловича Похитонова. Будет организована выставка его работ в Третьяковской галерее. Несколько его произведений я взял уже с собой... Да, работы предстоит много: семинар, концерты, выставки... А работать здесь очень приятно!

Интервью, 1963, 4 апреля

СВИДАНИЕ С РОДИНОЙ

Сейчас в Москве находится один из крупных современных музыкантов Игорь Борисович Маркевич. Он родился в 1912 году в Киеве и спустя год вместе с семьей выехал за границу. В 14 лет опубликовал в Париже первые свои сочинения, затем познакомился с Дягилевым, для которого написал балет, принесший И. Маркевичу известность в музыкальном мире. В 19 лет Маркевич начал дирижировать. Он является также автором нескольких книг.

Игорь Маркевич дал интервью корреспонденту «Литературной газеты» Н. Мару.

— Как я счастлив снова приехать в эту цивилизованную страну, где поэты и музыканты пользуются таким успехом и популярностью, которые в других странах обычно имеют боксеры. — сказал в начале беседы Игорь Маркевич.

Надежда приехать на родину появилась у меня в 19 лет, когда Сергей Эйзенштейн, прибывший в Париж, предложил мне вернуться с ним для совместной работы. В это время нам на Западе Советская Россия казалась чем-то таким далеким, можно сказать, иным миром, что моя мать умоляла меня не оставлять ее... После этого я часто мечтал приехать сюда и попробовал осуществить свою мечту, но всегда была какая-нибудь война — «холодная» или «горячая». Удалось мне приехать в СССР только в 1960 году.

Этим я обязан М. Ростроповичу, с которым познакомился в Австралии, где мы вместе выступали. Мы сразу же подружились, и он все устроил, позвонив по телефону из Сиднея в Москву. Я не забуду свое волнение и слезы счастья, когда Ростропович сообщил мне о том, что я приглашен на гастроли в СССР.

С тех пор каждый раз, собираясь в Советский Союз, я приглашал с собой друзей, видных журналистов, издателей и, конечно, жену и мать, которая не была на родине 47 лет; дважды приезжали сюда мои две дочери. Как все нам было интересно! И не похоже на то, что мы ожидали! Какая разница между западной пропагандой и советской действительностью! Я помню, что по возвращении наши рассказы кое у кого вызвали странную реакцию. Однажды на улице одного из пород Швейцарии моя дочь рассказывала знакомой даме о московской парикмахерской. Дама прервала ее, сказав: «Нак! В Москве есть парикмахеры?» — «Конечно, баронесса, — заметила спутница этой дамы, — нужен же один, хотя бы для пропаганды!». И такое мы слышали часто: «Оркестры были замечательные?» — «Для пропаганды!» — «Кушают хорошо?» — «Пропаганда!» — «Тепло топят зимой?» — «Опять же пропаганда!».

Должен сознаться, что если на Западе складывается неверное представление о Советской Рос-

сии, то порой вы в этом и сами виноваты. Я часто замечал, что советские люди на Западе слишком скромно говорят о том, что сделано в вашей стране. Во времена еще Петра I появился предразсудок, от которого кое-кто не избавился: все заграничное лучше. Это неверно, у вас есть много хорошего, чему постепенно будут подражать другие. А если подражать тому, что делают на Западе, то надо быть очень осторожным. Возьмем простой пример: Нью-Йорк ночью — волшебный город, в котором конкуренция породила поразительную световую рекламу. Но для Ленинграда это было бы губительно. Представьте себе дворцы на набережной Невы, начиная с Эрмитажа, на которых вспыхивают и гаснут рекламы: «Хочешь счастья — катись на «Победу»; на другой — мужчина, выпускающий изо рта настоящий дым, советует: «Курите «Дукат»; на третьей вы читаете: «Столичная водка — ключ любви»... Чудесный город уподобился бы тогда пожилой даме, пораженной таким.

Могу засвидетельствовать, что человек на Западе, слушая весь день радио, глядя в телевизор, читая рекламы, которые ему настойчиво объясняют, что он должен покупать, в такой степени становится потребителем, что вскоре будет способен пользоваться свободой не больше знаменитой собаки Павлова.

Проницательные люди на Западе очень обеспокоены тем, что свобода, о которой так много говорят, становится там все более и более абстрактной, и возможность ею пользоваться уменьшается. Многие из них все чаще задают вопросом: «Не здесь ли у вас, т. е. в Советском Союзе, существует больше свободы в широком смысле этого слова?» В вашей стране, несомненно, созданы широкие возможности для развития человеческой личности. Нас всех в особенности поразило, как поставлено в Советском Союзе воспитание детей. Я должен откровенно сказать, что мои дочери, которые много путешествовали и много видели интересного, часто здесь чувствовали себя отсталыми. Они не раз посещали Дворец пионеров, и их поразила инициатива и разносторонность интересов сверстников.

Это также происходит от того, что жизнь здесь спокойна. Не улыбайтесь, может, она вам кажется бурной, но у нас суматошный «темп» жизни с ее постоянной погоней за деньгами и конкуренцией гораздо быстрее. Мы страдаем от такой напряженности; можно сказать, что большинство у нас поражено нервными заболеваниями. Даже в такой мирной и уютной стране, как Швейцария, возникают подобные проблемы: например, чтобы больше зарабатывать, «сдельные» рабочие принимают возбуждающие средства, а потом, для сна, — успокаивающие. Естественно, что через несколько лет это разруша-

ет их здоровье. А здесь, у вас, работает спокойно, больше времени остается для отдыха и развлечений. Но я заметил, что у вас еще встречаются и такие люди, которые, так сказать, работают слишком «спокойно». Я бы в шутку заметил, что они очень уж широко пользуются существующей у вас свободой.

Коснемся проблемы конкуренции. Она, я думаю, часто портит отношения и между артистами на Западе. Случалось, что мне говорили: «Вы, к сожалению, имели слишком большой успех в нашем городе и больше сюда не вернетесь». Это значило, что какой-нибудь тамошний дирижер предпочитал держать меня на расстоянии. А мои советские коллеги уже во время первой встречи просили меня приезжать чаще и даже преподавать. Первый советский артист, который со мной играл на фестивале в Страсбурге, был Гилельс. Когда после этого я с восторгом говорил ему о его игре, он ответил: «Вы должны послушать Рихтера — его я считаю лучшим». Должен сознаться, что такая прекрасная скромность у нас становится очень редкой.

Хотелось бы также коснуться и вопросов, связанных с ликвидацией последствий культа личности Сталина в вашей стране. Бывая в буржуазных странах, советские люди охотно отвечают на вопросы, связанные с культом личности. И все же я полагаю, что в любом случае надо, чтобы никогда не забывалась четверть века, в течение которой советский народ сделал такой огромный шаг вперед, какой никогда не делала никакая-либо иная страна.

...В Москве Маркевич ведет семинар дирижеров. Что это за семинар?

Игорь Борисович расшифровывает свой замысел: дирижерское искусство имеет большую историю, накоплен огромный, нуждающийся в исследовании творческий материал. Современное искусство предъявляет дирижеру требования, о которых Тосканини не мог даже и думать. К тому же теперь существуют особые условия дирижирования для грамзаписи, во время телепередач.

— В Московской консерватории созданы чудесные условия для работы нашего семинара. Никогда прежде я не встречал таких возможностей для подготовки молодых дирижеров.

О многом говорил Маркевич — о нынешних своих студентах, о «Реквиеме» Кабалевского, созданном в содружестве с поэтом Р. Рождественским, о партизанской войне в Италии, в которой он участвовал и о которой написал книгу, о предстоящем приезде в Москву жены...

— Она привезет сюда картины моего деда Ивана Павловича Похитонова. Будет организована выставка его работ в Третьяковской галерее. Несколько его произведений я взял уже с собой... Да, работы предстоит много: семинар, концерты, выставки... А работать здесь очень приятно!